

РЕДУТ ТАРАКУЛЯ

Мы долго шли по северной окраине Сталинграда, пробираясь какими-то задворками и садами, карабкаясь через баррикады, пролезая сквозь закопелые развалины домов, стремглав пробегая улицы и открытые места. Наконец, лейтенант Шохин остановился, перекинул автомат с плеча на плечо и сказал хриплым, сорванным голосом:

— Дойшли. Тут! Вот это у нас и зовут редут Таракуля.

Он показал на груды битого кирпича и балок, возвышавшуюся на месте, где когда-то, очевидно, стоял небольшой, приземистый, старинный, прочный постройкой дом. Это происходило в глухой час гудкой, беспокойной фронтовой ночи. Холодная круглая луна серебрила седую от иней землю, пустые коробки когда-то больших и красивых домов, похоловших теперь на истрепанные театральные декорации, подбитые снарядами телеграфные столбы с бессильно болтающимися кудрями оборванных проводов, чужом уцелевшую на углу красивую нарядную будку, вкривь и вкось прошитую пулями.

Все тут — и мостовая, сплошь исковерканная и вспаханная разрывами снарядов и мин, и целые россыпи стрелянных гильз, и четыре просверленных воронки от авиабомб, заиндевшие по краям и поэтому напоминавшие лунные кратеры из какого-то детского учебника, и наконец, ключья темносерой немецкой шинели, заброшенной силой взрыва на ветки молодого каштана, — все говорило о том, что это место совсем недавно являлось ареной долгой и яростной схватки, центром которой был этот совершенно разрушенный дом на углу.

— Редут Таракуля, — повторил лейтенант Шохин, которому, видимо, очень нравилось это название, и, показав на прямоугольные отдушины в массивном, хорошо сохранившемся каменном фундаменте, добавил: — а это амбразуры. Видите, какой широкий сектор обстрела на обе улицы. Вот через них они и держали наступление целого немецкого батальона. Двоем — батальон. Двоем, понимаете!

В хриловатом голосе лейтенанта, человека бывалого, воюющего третью войну и отнюдь не склонного к восторженности, командира взвода разведчиков, слышалось

настоящее, неподдельное восхищение, восхищение войной, восхищение мастера и знатока. И мне живо велемилась во всех подробностях история этого дома-редута, славная в Сталинграде уже от нескольких человек, необычайная, почти невероятная и в то же время правдивая история, являющаяся одной из характерных страничек тяжелой героической эпопеи сталинградской обороны.

Бойцы-пулеметчики, старые друзья, спавшие в одной землянке, евшие из одного котелка и курившие из одного кисета, Таракуль и Начирнер получили задание командира батальона устроить пулеметные точки в этом доме на перекрестке двух окранных улиц. Бой в этот день шел на другом участке, немцев здесь не ждали, и сооружение пулеметных точек было только одной из мер хорошей военной предосторожности. Получив приказ, спокойный, медлительный, неразговорчивый Начирнер и маленький, подвижной, вечно что-нибудь насвистывавший или напевавший Таракуль быстро обошли пустой дом, облюбовали угловую комнату первого этажа, из окон которой можно было следить за всем, что происходит на скрещивающихся здесь улицах, и начали разбирать печь и застывать кирпичами окна, чтобы оставить в них только узкие амбразуры. Сначала Начирнер, стараясь не очень следить за паркетных полах и аккуратно обходя мебель, смирными охапками подносил кирпич, а его друг, насвистывая какую-то песенку, ловко укладывал кирпичи крест-накрест, чтобы они прочнее держались. Бой гремел далеко. Улицы были совершенно пустынные, но друзья, привыкшие на войне к неожиданностям, работая не покладая рук, все время посматривали кругом.

Первая амбатура была уже готова, в ней установили пулемет и принялись было уже за вторую, когда Начирнер, принеся очередную охапку кирпича, увидел, что Таракуль не работает, а прильнул к пулеметному прицелу и, весь напряженный, смотрит на улицу. «Немцы!» — догадался Начирнер. Он осторожно положил кирпич на пол и выглянул из-за косяка. Пятеро немцев с автоматами, болтавшимися у них на шее, как саксофоны, озираясь, крались по стенке вдоль улицы. Начирнер схватил винтовку, но Таракуль вырвал ее у него из рук.

— Разведка! Не спугивай. За ними еще припрут. Подпустим, а потом сразу по всем, — зашептал Таракуль, снова берясь за ручки пулемета.

В самом деле, дойдя до угла, немцы пошевелились, осмотрели перекресток, один из них сделал какой-то знак. На улице показались большая группа автоматчиков. Человек тридцать. Они тоже подошли к перекрестку и встали, прижавшись к стене, представляя собой удобную мишень. Они снова выслали вперед разведчиков. Но в это время две резких очереди потрясли воздух. Потом еще две. Несколько немцев упало, остальные побежали. Потом остановились. Часть начала стрелять из автоматов, а другая двинулась к своим убитым, чтобы их утащить. Две новых очереди подкосили еще нескольких, а остальные бежали, уже не оглядываясь.

— Есть! — победно гаркнул Таракуль, радостно свернувшись желтыми белками своих горячих цыганских глаз. Но Начирнер, такой же спокойный, медлительный, молча показал ему на остов большого каменного дома напротив. В пустых окнах его было видно много серых, деловито суетящихся фигур, быстро занимавших оборону. В это время сразу с двух улиц к перекрестку густо, мелкими перебежками, прижимаясь к подворотням, к воронкам, к телеграфным столбам, хлынули немцы, охватывая дом с двух сторон.

Таракуль оторопел. Немцев было много, и, что особенно ему показалось тогда страшным, они были не только впереди, как он привык с ними встречаться в бою, но и с боков, захолили сами. Первое, что захотелось сделать бойцу, — это бежать, бежать скорее, бежать к своим, пока еще не поздно вырваться из этого полукольца, спастись и спасти свой пулемет. Но он увидел, как товарищ его деловито перекачивал свой пулемет в соседнюю комнату, чтобы оградить нападение немцев сбоку, и сразу же пришел в себя. Преодолев инстинктивный страх, он припал к пулеметному прицелу и стал короткими очередями выбивать, выкашивая перебегающих по улице немцев.

Те, что сидели в здании напротив, открыли по дому бешеную стрельбу. Но Таракуль уже не боялся. За кирпичной стеной он чувствовал себя неуязвимым. Страх прошел. Он перерос в чувство волнующей, расширяющей грудь радости, когда немцы, десятки немцев там, на улице,

вдруг побежали назад, перепрыгивая через трупы своих убитых и не обращая внимания на крики раненых. Теперь Таракуль тоже хладнокровно бил им в спину, и всякий раз, когда серая фигурка, точно споткнувшись, падала на землю и застыла, он приговаривал:

— Есть, есть, есть.

В соседней комнате работал (именно работал) пулемет Начирнера. Верный себе, хладнокровный, спокойный даже в самую жаркую минуту боя, Начирнер расчетливо, экономно бил короткими очередями. Он первым отбил атаку на своей улице, с вынужденной помощью товарищу и начал, тщательно прицеливаясь, бить по тем, что сидели напротив в доме. Те отвечали залпами из автоматов. Комната наполнилась известковой пылью. Пулеметчики легли на пол.

Когда атака была отбита и настала тишина, Таракуль добрался до приятеля. Его распирало чувство огромной радости, гордости собой. Он впервые осознал свои силы и от избытка этих сил, желая чем-то выразить свою радость, звонко хлопнул приятеля по спине. Тот молча отстранился, свертывая цыгарку, и тут Таракуль заметил, что приятель, который пять минут назад привел его в себя своим хладнокровием, был бледен, что пальцы у него дрожали и табак сыпался на колени.

— Чего радуешься, это ведь только начало, — сказал он своим ровным тоном и вдруг спросил: — А ты женатый? А дети есть?

И снова они расположились по комнатам, каждый к своему пулемету. Слова Начирнера сбылись. Через час немцы предприняли еще одну атаку, а потом две, короткие и напористые, одну за другой. Пулеметчики отбивали атаки и с каждой новой схваткой действовали хладнокровней, уверенней, и каждый раз все больше и больше серых фигур в неестественных, изломанных, кукольных позах навсегда застыли на мостовой.

Тогда немцы подтянули минометы. Они стали бить из сада напротив и били по дому двадцать минут. С десятком мин разорвалось в верхних этажах. Казалось, все в доме было разрушено, разбито, разнесено в ключья и перемешано с обломками штукатурки. Но когда немцы снова бросились в атаку вдоль улиц, снова четко заработали два пулемета, и две смертоносных сви-

цовых струи преградили им путь. Пулеметчики пережидали обстрел в маленьком коридорчике и, как только минометы смолкли, опять подползли к своим боевым машинам.

Трудно сказать, что думали немцы. Считали ли они, что имеют дело с целым гарнизоном, что они заткнулись на замаскированный дот, или мужество двух пулеметчиков подорвало наступательный дух целого батальона, но они больше уже не пытались прорваться прямой атакой. Они подтянули три орудия и стали бить по дому. После каждого выстрела Таракуль кричал приятелю:

— Жив?

И тот спокойно, словно речь шла о чем-то обыденном, деловито отвечал:

— Жив.

Но вот снаряд угодил прямо в комнату, где сидел Начирнер. Когда смолк грохот разрыва, он не ответил товарищу. Таракуль бросился туда. Среди развороченных камней, разбросив раненые ноги, лежал грузный пулеметчик. Сдерживая боль, он кусал губу и сквозь зубы прошептал:

— Ранен...

Что делать? — пронеслось в уме Таракуля. Теперь он остался один, один против целого батальона немцев. Но он обдумывал свое положение спокойно, без тени страха. В следующее мгновение он уже дес друга вылез в подвал. Потом он перегащил туда пулеметы и боериншасы. Он установил их в том же порядке, как и наверху, высунув стволы в прямоугольные отдушины. В это время раздались взрывы, от которых все здание полпрынуло и затряслось. Это разорвалась серия авиабомб. Немцы выгнали на помощь авиацию. Одной из бомб дом был разрушен. Груды кирпича и битого щебня завалили подвал, но массивные своды выдержали. Пулеметчик Таракуль и его раненый товарищ остались живы, погребенные под обломками и огрезанные обвалом от мира. Придя в себя, Таракуль даже обрадовался этому обстоятельству. Он мог теперь не опасаться нападения с тыла. Груда развалин довольно надежно закрывала его от снарядов. Когда немцы опять пошли в атаку, они снова были отброшены огнем двух пулеметов. Заваленные обломками дома, Таракуль и его тяжело раненый друг продолжали стрелять, а когда раненый лишился сознания, Тара-

куль (тоже раненый, но легко) бегал от одного пулемета к другому, простреливая обе улицы.

Вспоминая потом об этом, он никак не мог сказать, долго ли шла эта неравная и беспримерная борьба; он вообще не мог что-нибудь вспомнить, кроме того, что он стрелял из двух пулеметов, не вляя перед собой ничего, кроме двух перекрещивающихся улиц, и не думая ни о чем, кроме того, что эти улицы, улицы Сталинграда, нужно во что бы то ни стало удерживать. Он стрелял до тех пор, пока где-то вдали не услышал «ура», которое приближалось, нарастало, пока по обломкам асфальтового тротуара не затопали тяжелые шаги наступающей пехоты и переход амбразурами отдушин не замаскировали родные, песочного цвета шинели. Тут он бросил пулемет, стал трасти раненого друга, крича ему в ухо только одно слово:

— Наши! Наши! Наши!

Когда подразделение командира Мохова очистило всю улицу, пришлось долго разгребать и даже подрыывать камни, чтобы извлечь героев из-под развалин. Их освободили как раз во-время, за несколько минут до начала немецкой контратаки. Начирнера отнесли в госпиталь, а Таракуль вырвался из рук медсестры, перевязывавшей ему рану, схватил винтовку и бросился в новый бой.

Улица эта осталась у нас, а развалины дома, возвышавшиеся сейчас на перекрестке, кто-то шуточно назвал «редутом Таракуля». Название это так к ним и приросло...

— Вы знаете, вот потом, когда очистим город и разобьем немцев, надо бы это место оградить забором, повесить здесь доску и на доске написать о том, на что способны два советских бойца-сталинградца. И пусть все ходят и смотрят, смотрят и удивляются. — говорит лейтенант Шохин и, улыбувшись, сам себя опровергает: — Чепуховый проект! Слишком много таких памятных пришло бы оставлять в Сталинграде, на каждой улице, в каждом переулке. Нет, лучше мы построим тут новые замечательные, красивые дома, чтоб хорошо, удобно, уютно жились в них людям и чтоб люди, живя в них, добрым словом вспоминали о нас, защитниках Сталинграда.

Б. ПОЛЕВОЙ.

г. Сталинград.